

В.С. Афанасьевич

Шекспир. Библиотека великих писателей

Том III

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В11

В11 **В.С. Афанасьевич**
Шекспир. Библиотека великих писателей: Том III / В.С. Афанасьевич – М.: Книга по Требованию, 2021. – 642 с.

ISBN 978-5-458-50920-6

Собрание сочинений Шекспира под редакцией С.А.Венгерова, с рисунками в тексте и многочисленными картинками на отдельных листах, выпущено в 1902-1904 гг. Брокгаузом и Ефроном.

ISBN 978-5-458-50920-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

болѣе принять. Гамелинъ принужденъ врываться силой и, напугавши людей брата своей суровой расправой съ привратникомъ, своевольно, захватомъ, какъ у побѣжденнаго врага, расточить погреба на угощеніе своихъ гостей. Это третій его подвигъ. Но онъ обойдется, уже недешево. Хитростью старшему брату удастся связать Гамелина и приковать въ залъ замка къ столбу. Если бы не забота о немъ стараго Адама, ключника, преданнаго Гамелину совершенно такъ же, какъ онъ былъ преданъ и его отцу, молодому витязю пришлось бы умереть съ голоду. Адамъ даже тайно расковыряетъ цѣпи Гамелина и только проситъ его сдѣлать видъ, что онъ еще прикованъ, пока не придутъ въ замокъ на пиръ аббатъ и прочіе монахи монастыря; они разсудятъ его съ братомъ и, разумѣется, заступятся за невинно-гонимаго. Предположеніямъ ключника не было, однако, суждено, осуществиться: аббатъ, келарь и другіе монахи слушаютъ навѣты старшаго брата и только подсмѣиваются надъ Гамелиномъ. Тогда наступаетъ ему время уже въ четвертый разъ показать свою удалъ и отомстить лукавымъ монахамъ. Но тутъ онъ вступаетъ уже въ борьбу со всѣмъ испорченнымъ и своекорыстнымъ обществомъ. На сторонѣ брата теперь оказывается уже и шерифъ, съ цѣлымъ войскомъ пришедшій схватить Гамелина въ наказаніе за избіеніе монаховъ. Гамелину остается тогда лишь одно: уйти въ лѣсъ и зажить, какъ живутъ подобные ему смѣльчаки, пострадавшіе отъ несправедливости законныхъ властей.

Разсказъ о Гамелинѣ заканчивается не раскаяніемъ старшаго брата, какъ въ комедіи Шекспира, и вовсе не великодушіемъ по отношенію къ нему младшаго. Напротивъ, Гамелинъ своимъ удалствомъ одерживаетъ въ концѣ концовъ полную побѣду надъ всѣми притѣснителями и мститъ имъ безъ пощады и снисхожденія. Пока онъ жилъ въ лѣсу среди изгнанниковъ и былъ избранъ ихъ королемъ, его братъ сталъ шерифомъ и воспользовался своей властью, чтобы объявить Гамелина внѣ закона; узнавъ объ этой новой и вѣщшей несправедливости, Гамелинъ рѣшилъ опять оказать сопротивленіе, но тутъ сила и отвага не могли болѣе помочь; теперь онъ посаженъ въ тюрьму властями. Спасеніе на этотъ разъ приходитъ отъ другаго брата; онъ взялъ Гамелина на поруки до верховнаго суда, когда рѣшится его участь. Гамелинъ пользуется этимъ, чтобы вновь уйти въ лѣсъ. Онъ приходитъ

на судьбище однако во-время, потому что поручившійся за него братъ долженъ погибнуть въ случаѣ его неявки, но онъ приводитъ съ собою своихъ лѣсныхъ удалцевъ и производитъ жестокой самосудъ надъ братомъ, шерифомъ и самимъ верховнымъ судьей. Это преступленіе уже осталось безнаказаннымъ. Зло было вырвано съ корнемъ. Король, къ которому послѣ своей своевольной расправы явился Гамелинъ, любилъ его втораго брата. Онъ оцѣнилъ и прямоу самага Гамелина и даже назначилъ его верховнымъ судьей.

Отъ разсказа о Гамелинѣ вѣтъ задорнымъ духомъ время Уатта Гайлора. Гамелинъ напоминаетъ Робинъ Гуда своимъ стремленіемъ установить подъ зеленой кровлей свободнаго лѣса свою собственную справедливость, недопускающую угнетенія слабыхъ и судейскаго лицепріятства.

Въ основу „Какъ вамъ это понравится“ легла Лоджевская передѣлка „Гамелина“: „Розалинда или золотое наслѣдіе Юфузса“, гдѣ вся вторая половина разсказа съ момента бѣгства Гамелина совершенно измѣнена и иначе задумана. Шекспиръ придалъ драматическую форму повѣсти Лоджа, очень мало измѣнивъ ее и слѣдуя почти шагъ за шагомъ за ея текстомъ. Даже самое названіе комедіи Шекспира заимствовано изъ одной фразы посвященія „Розалинды“ лорду Гундсону и господамъ читателямъ.

„Розалинда“ Лоджа написана, какъ это показываетъ и самое заглавіе, въ духъ такъ называемаго юфуизма. Лоджъ ученикъ Лилли. Онъ не заботится о правдоподобіи, объ исторической правдѣ, о географіи; онъ уснащаетъ свой стиль антитезами, сравненіями, цитатами изъ классиковъ и французскихъ поэтовъ; и это даже тогда, когда онъ изображаетъ разговоры пастуховъ. Но дѣло не только въ манерѣ изложенія; Лоджъ заботился не объ однихъ витіеватыхъ отступленіяхъ, поэтическихъ прикрасахъ и отборности выраженій. Какъ отзывается Жюссеракъ о Лилли, Лоджъ также „водитъ насъ по всевозможнымъ цвѣтушимъ дорожкамъ, но какъ бы ни была причудлива внѣшняя форма его повѣсти, онъ неизбѣжно и безъ всякой оговорки ведетъ насъ къ проповѣди“. Сообразно этимъ особымъ приемамъ творчества, мятежный духъ удалства и отпора съ оружіемъ въ рукахъ общественной неурядицъ исчезъ изъ разсказа о Гамелинѣ. Средневѣковую точку зрѣнія замѣнили изнѣженная артистичность и ученый педантизмъ Возрожденія. Лѣсъ, куда бѣжитъ мо-

лодой скиталець, уже не притонъ лихихъ изгнанниковъ. Это условный романтическій Арденскій лѣсъ, гдѣ рядомъ съ ужасными львами пасутъ свои мѣрныя стада слащавые пастушки. Они устраиваютъ между собою поэтическія состязанія, какъ въ эклогахъ Виргилія, изливаютъ въ сонетахъ свою пламенную любовь къ пастушкамъ, вырѣзываютъ на деревьяхъ любовные стихи. Повѣсть Лоджа должна была тѣшить чисто женскій вкусъ. Героюмъ оказался уже не суровый борець за свои права. Героиня—Розалинда, дочь также изгнаннаго узурпаторомъ изъ своихъ владѣній герцога. Лоджъ называетъ его Торисмондомъ. Розадеръ, какъ зовется здѣсь Гамелинъ-Орландо, лишь достойный ея возлюбленный. Его подвиги ведутъ прежде всего къ тому, чтобы воспламенить сердце Розалинды. Въ кокетливой игрѣ съ этой дѣвушкой, столь же остроумной и живой, какъ и у Шекспира, и также одѣтой пажемъ, проходитъ все время его изгнанничества. Нравственно-наставительное направленіе сказывается здѣсь въ томъ, что вражду и ненависть старшаго брата побѣждаетъ великодушіе младшаго. Да и до этой странной сцены со львомъ Саладинъ, Оливеръ повѣсти Лоджа, въ вычурномъ монологѣ склоняется уже къ раскаянію за свою жестокость и своекорыстіе. Къ тому же власти вовсе не на его сторонѣ. Узурпаторъ, Торисмондъ, соотвѣтствующій Фридриху у Шекспира, пользуется столкновениемъ двухъ братьевъ, чтобы объявить внѣ закона Саладина. Общественная струя поэмы „Гамелинъ“ такимъ образомъ исчезла. Ее замѣнило примѣряющее съ жизнью и проникнутое вѣрой въ добро настроеніе. Лоджу принадлежитъ введеніе въ рассказъ сценъ дружбы и любви рядомъ со сценами борьбы и насилія, такъ причудливо переплетающихся въ „Какъ вамъ это понравится“.

Столь важный для хронологіи шекспировскихъ пьесъ трактатъ Миреса „Palladis Tamia“ (1598) не упоминаетъ этой комедіи. Въ каталогахъ книгопродавцевъ она названа подъ 4-мъ августа 1600 г. Въ этомъ году всего вѣроятнѣе она и возникла.

Шекспиръ сохранилъ морализирующій тонъ Лоджа. Онъ также смотритъ на несправедливость и насиліе, какъ на нѣчто случайное и вполне поправимое. Зло не присуще человѣческой природѣ. Впечатлѣніе отъ дружбы Целіи и Розалинды, отъ преданности Адама, отъ благородства Орландо и раскаянія Оливера усиливается еще прекраснѣе изгнаннаго герцога, до-

ходящаго до заявленія, что „сладостны послѣдствія несчастій“. И если въ повѣсти Лоджа собравшіяся въ Арденскомъ лѣсу жертвы насилія Торисмонда-Фридриха идутъ на него съ мечами въ рукахъ, и читатель, закрываетъ книгу увѣренный въ неизбежности его гибели, у Шекспира Фридрихъ родной братъ герцога и онъ самъ отказывается отъ власти подъ вліяніемъ бесѣды съ какимъ-то старцемъ.

Однако и усиливая еще болѣе свѣтлый взглядъ на жизнь, Шекспиръ отгѣнилъ и понялъ насравненно глубже Лоджа самую несправедливость и насиліе. Вниманіе не скользитъ по нимъ въ „Какъ вамъ это понравится“ такъ легко, какъ въ „Розалиндѣ“. Настроеніе самага герцога, восхваляющаго жизнь, далеку отъ придворнаго блеска и почестей, хорошо понялъ Амьенъ, когда онъ говоритъ ему:

Жестокіе удары

Своей судьбы вы на такой спокойный
И сладостный языкъ способны быстро
Переводить.

Удары судьбы такимъ образомъ все-таки чувствуются. Прекраснѣе герцога сплетено съ грустной ироніей надъ своимъ положениемъ. Введенный въ рассказъ Шекспиромъ добрый шутъ Точстонъ (Оселокъ) на своемъ шутовскомъ языкѣ говоритъ въ сущности то же, что и герцогъ, когда онъ отвѣчаетъ на вопросъ пастуха Корина, какъ ему нравится сельская жизнь: „Какъ жизнь воздержанная, она, видите ли, вполне соотвѣтствуетъ моимъ наклонностямъ, но какъ жизнь лишенная изобилія, она совершенно противорѣчитъ моему желудку“. Къ словамъ шута не надо относиться съ пренебреженіемъ. Въ нихъ то и выражается горькая правда. Философъ Жакъ, также введенный въ дѣйствіе уже самимъ Шекспиромъ, не даромъ послѣ знакомства съ этимъ Точстономъ приходитъ къ заключенію, что только въ пестрой курткѣ шута можно высказать людямъ всю истину. Жака, о которомъ сложилось мнѣніе „сѣвшее глубоко“, что онъ уменъ, оттого такъ тянетъ дурачиться. И эта затѣя его осуществится. Пройдя черезъ притворное безуміе Гамлета, она поведетъ къ созданію всеобщаго любимца—преданнаго злосчастному Лиру шута-моралиста.

Самъ Арденскій лѣсъ вовсе не изображенъ въ „Какъ вамъ это понравится“ тѣмъ благодатнымъ затишьемъ пастушеской жизни, въ которомъ развивается нравственно-

наставительный замыселъ повѣсти Лоджа. Шекспиръ не видитъ въ немъ обители для размышленій; непосредственная мудрость не изгоняетъ здѣсь всецѣло изъ сердца человѣка все злое и порочное, что вкрадывается въ него среди соблазновъ и заблужденій свѣта. Когда Жагъ задумывается надъ невинными слезами раненаго оленя, онъ ясно видитъ, что охота, это единственное утѣшеніе лѣсныхъ скитальцевъ, есть тоже несправедливость, тоже вопіющее насиліе. Нужды нѣтъ что любимымъ героямъ Шекспира, Орlando и Розалиндъ, ублажанымъ на живописномъ лонѣ лѣса своимъ счастьемъ, такъ чужда и почти ненавистна меланхолія Жака. Она, конечно, не можетъ сжиться съ звуками нѣжности и примиренія, раздавшимися въ ихъ душѣ. Болѣе внимательно слушающій безнадежную философію Жака зритель невольно остановится мыслью надъ возможностью и менѣе благоприятнаго исхода горестей и невзгодъ. Ведя все дѣйствіе къ благоприятному исходу, Шекспиръ не хотѣлъ замолчать зло жизни. Не далѣе какъ черезъ годъ, когда изъ подъ его пера начнетъ выходить цѣлый сонмъ трагическихъ фигуръ, тяготѣющее надъ міромъ зло заполонитъ его воображеніе.

Въ отношеніи къ вереницѣ тѣхъ несправедливостей, которыя загнали дѣйствующихъ лицъ „Какъ вамъ это понравится“ въ лѣсныя дебри, эта комедія стоитъ такимъ образомъ гораздо ближе къ старинной поэмѣ о Гамелинѣ, чѣмъ къ юфистической повѣсти Лоджа. Но зналъ ли Шекспиръ эту поэмю? Одна небольшая подробность его комедіи совпадаетъ съ соотвѣтственной сценой „Гамелина“. Отецъ сраженныхъ въ единоборствѣ силачемъ Карломъ молодецъ у Лоджа предается стоическимъ размышленіямъ и не выказываетъ ни малѣйшаго огорченія по поводу гибели своихъ сыновей. У Шекспира, напротивъ, какъ и въ поэмѣ „Гамелинъ“, онъ горько жалуется на постигшее его горе. Тутъ, конечно, можетъ быть и совпаденіе. Шекспиръ быть можетъ отступилъ здѣсь отъ текста Лоджа ради простого правдоподобія. Однако, если извѣстный шекспирологъ Хельзъ показалъ такъ убѣдительно, что великій драматургъ читалъ Чосера, то трудно предположить, чтобы ему осталась незнакома поэмка о „Гамелинѣ“: она входила въ Кентерберійскіе рассказы и считалась созданиемъ ихъ творца.

Воспользоваться такими эпизодами по-

эмы о Гамелинѣ, которыхъ нѣтъ у Лоджа, Шекспиру во всякомъ случаѣ не представлялось никакой возможности. Комедія не могла вмѣстить даже всѣхъ тѣхъ эпизодовъ, которые вошли въ „Розалинду“ Лоджа. Къ періоду полной зрѣлости его таланта, какъ драматурга, Шекспиру все болѣе удается достигнуть единства дѣйствія. И это даже несмотря на то, что оно подчасъ становится еще разнообразнѣе, еще осложненнѣе. Дѣйствіе все болѣе сосредоточивается на катастрофѣ. Въ перипетіяхъ Гамелина—Розадера—Орlando катастрофу составляетъ гибель старшаго брата въ поэмѣ и раскаяніе его у Лоджа и Шекспира. Сообразно этому въ „Какъ вамъ это понравится“ самая борьба Орlando и Оливера изображена лишь на скоро въ первомъ дѣйствіи. Шекспиръ могъ отмѣтить только самые главные ея моменты. Такъ онъ совершенно выпустилъ находящіяся и у Лоджа сцены угощенія младшимъ братомъ цѣнителя его удалства, а старшимъ братомъ аббата монастыря. Надо было какъ можно скорѣе перенести дѣйствіе въ Арденскій лѣсъ. Но и тутъ событій было слишкомъ много и ихъ нельзя было всѣ сохранить цѣликомъ. У Лоджа на примѣръ Оливеръ вмѣстѣ съ братомъ спасаетъ Алинду—Целію отъ разбойниковъ, хотѣвшихъ схватить ее и отвести къ отцу въ надеждѣ на вознаграженіе. Въ „Какъ вамъ это понравится“ эпизодъ этотъ пропущенъ.

Путемъ подобныхъ сокращеній, сложное и запутанное содержаніе комедіи Шекспиръ расположилъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени. Опредѣлить его мало-мальски точно, разумѣется, нѣтъ возможности. Совершенно очевидно однако, что первое дѣйствіе обнимаетъ событія трехъ, четырехъ дней. Силачъ Карлъ приходитъ къ Оливеру въ то самое время, когда у него происходитъ ссора съ братомъ. Единоборство произойдетъ, по его словамъ, на слѣдующій день. Между первымъ явленіемъ перваго акта и вторымъ явленіемъ, когда изображается побѣда Орlando, проходитъ такимъ образомъ ночь. Объявленіе Фридрихомъ Розалиндѣ приговора объ ея изгнаніи и рѣшеніе двоюродныхъ сестеръ бѣжать вмѣстѣ могло имѣть мѣсто либо тотчасъ послѣ единоборства, либо нѣсколькими днями позже. Труднѣе опредѣлить время дѣйствія втораго акта. Наступаетъ онъ несомнѣнно не сразу послѣ перваго. Розалинда и Целія успѣли уже пробраться

до Арденскаго лѣса, а путь ихъ, судя по ихъ усталости, былъ дологъ. Между третьимъ явленіемъ того же акта и шестымъ и седьмымъ явленіями столько же времени приблизительно нужно и Орландо, чтобы прибыть вмѣстѣ съ Адамомъ въ тотъ же лѣсъ. Но съ этого момента, т. е. съ перваго явленія третьяго акта, развитіе дѣйствія начинаетъ уже ускоряться. Счастливая развязка близится уже безъ малѣйшей проволочки. Между вторымъ и третьимъ дѣйствіями вѣроятно опять прошло нѣсколько дней, пока Орландо успѣлъ столько разъ вырѣзать на деревьяхъ имя Розалинды и излить свою любовную тоску въ столькихъ стихахъ; нѣсколько дней понадобилось и Точстону, чтобы составить себѣ ясное представленіе о жизни въ лѣсу; но событія самаго третьяго акта занимаютъ лишь одинъ день. Уже утромъ слѣдующаго дня начинается четвертый актъ. Въ первой же встрѣчѣ съ Орландо въ четвертомъ явленіи третьяго дѣйствія, Розалинда назначаетъ ему прійти на слѣдующій день. До разговора ихъ въ четвертомъ актѣ прошла стало быть одна только ночь. На этотъ разъ свиданіе назначается уже черезъ часъ. Тутъ Орландо спасаетъ брата отъ львицы, и Оливеръ приноситъ, можетъ быть, только съ нѣсколькими часами опозданія его окровавленный платокъ Розалиндѣ, чтобы объяснить, почему Орландо не явился въ условленное время. Пятый актъ изображаетъ событія слѣдующихъ двухъ дней.

При такой стремительности дѣйствія о его большемъ правдоподобіи нечего было и думать. Шекспиръ о немъ и не задумывался. Только пастухи у него немного менѣе литературны, чѣмъ у Лоджа; они не поютъ эклогъ и не морализируютъ на тему о прелестяхъ жизни далекой отъ свѣтской суеты. Возлюбленный Фебъ не сочиняетъ также стиховъ по французски, лишь сама Фебъ оказывается не только грамотной, но и одаренной поэтическимъ талантомъ. Все остальное такъ же невѣроятно и неожиданно, какъ и у Лоджа. Но вниманіе и не успѣваетъ анализировать событія. Сами дѣйствующія лица, очерченныя такъ метко и живо, заслоняютъ собою сюжетъ. Заслоняетъ его и широко задуманная философская сторона пьесы. Дѣло не въ сюжетѣ. Молодцоватый, прямой и честный Орландо, прекраснородный герцогъ, меланхоликъ Жакъ, преданный и вдумчивый Точстонъ

и наконецъ сами Целія и Розалинда, они всѣ глубоко правдивы и вовсе не условны.

Менѣе очерченными остались Оливеръ и узурпаторъ Фридрихъ. Ихъ раскаяніе слишкомъ поспѣшно и мало обосновано. Если справедливо предположеніе Ольдисъ Райта, что комедія „Какъ вамъ это понравится“ написана на скорую руку, то иначе и быть не могло. Позднѣе Шекспиръ однако еще разъ задумается надъ психологіей раскаянія. Когда герцогъ, скрывающійся отъ преслѣдованій брата-узурпатора, станетъ кудесникомъ Просперо въ „Бурѣ“, исправленіе заблужденій человѣческой природы путемъ великодушія будетъ изображено Шекспиромъ уже не въ двухъ-трехъ словахъ. Оно окажется въ самомъ центръ драматическаго замысла. Тогда и честный приближенный Фридриха ле-Бо, предупреждающій Орланда о грозящей ему при дворѣ опасности, станетъ ученикомъ Монтаня—Гонзало.

Розалинда и Целія заставляютъ вспомнить о Беатриче и Геро въ „Много шуму изъ нечего“. Но развитіе ихъ характеровъ слегка сгладилось. Геро, превратившись въ Целію, раньше чѣмъ стать Офеліей, Дездемоной и Имогеной, позаимствовала не мало задора у своей подруги. Въ ней оказалось гораздо больше жизненной энергіи и остроумія, чѣмъ раньше. Съ другой стороны и Розалинда въ этой комедіи далеко не та странная и сильная душою дѣвушка, какую мы видѣли въ Беатриче. Превратившись вновь въ Розалинду, какъ она называлась и въ „Безплодныхъ усиліяхъ любви“, она стала податливѣе и мягче. Конечно и прежде она могла бы воскликнуть словами Марло изъ „Геро и Леандра“, которыя приводитъ Фебъ:

Къ кому любовь не приходила сразу!

но она раньше не поддавалась охватившему ее чувству; она боролась съ нимъ и обманывала самое себя. Розалинда теперь стала непосредственнѣе. Узнавъ, что Орландо здѣсь въ лѣсу, что онъ любитъ ее и вырѣзываетъ на деревьяхъ ея имя, она въ отчаяніи, что ей вздумалось разыграть роль мужчины. Если она не открывается сразу Орландо, дразнитъ его, играетъ его любовью къ ней, то наединѣ съ Целіей она признается съ полной искренностью въ своемъ чувствѣ.

Евг. Аничковъ.

ФРАНЦУЗСКІЕ РЫЦАРИ И ГЕРЦОГИ XIV—XV ВѢКОВЪ.

(Портреты въ Версальской Исторической галлерей: а) слева—Балла, † 1524; кисти известнаго Фрагонара, Fragonard, 1780—1850; б) посрединѣ—маршала Бурико, † 1421, кисти известнаго художника Пико, F. E. Picot, 1786—1863; в) справа—маршала Бовоара † 1453, кисти Анри Шеффера—1798—1862).

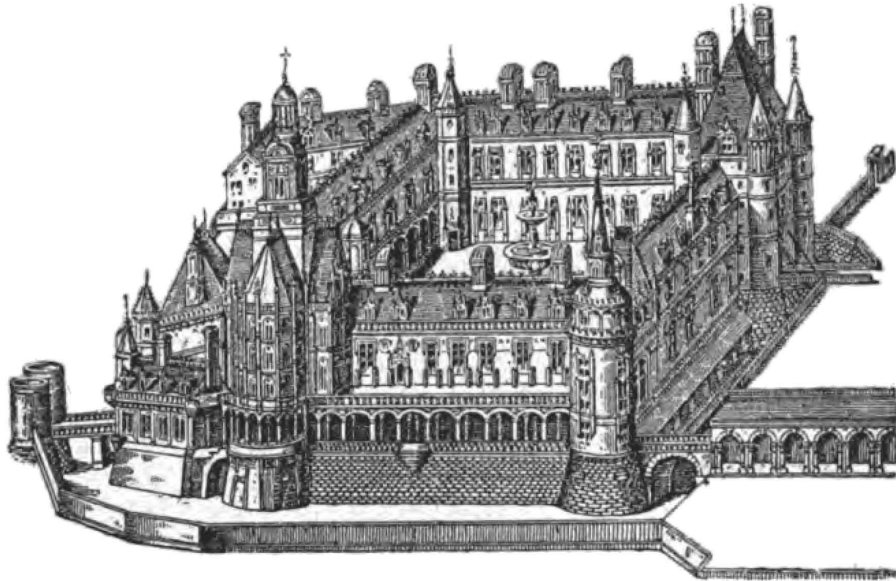
ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Герцогъ, живущій въ изгнаніи.	Денисъ, служитель Оливера.
Фридрихъ, его братъ, завладѣвшій его государствомъ.	Оселокъ, (Точстонъ) шутъ.
Амиенъ } вельможи, послѣдовавшіе за изгнаннымъ	Оливеръ Мартекстъ, (Путаница), священникъ.
Жакъ } герцогомъ.	Коринъ } пастухи.
Ле-Во, приближенный Фридриха.	Вилльямъ, поселянинъ, влюбленный въ Одрю.
Карлъ, борецъ Фридриха.	Гименей.
Оливеръ } сыновья Розанда де-Буа.	Розалинда, дочь изгнанаго герцога.
Жакъ }	Цезія, дочь Фридриха.
Орландо }	Февэ, пастушка.
Адамъ, служитель Оливера	Одри, поселянка.

Свита обоихъ герцоговъ; пажы, охотники и др.

Дѣйствіе происходитъ сначала вблизи дома Оливера, потомъ—частью при дворѣ Фридриха, частью въ Арденскомъ лѣсу.

ФРАНЦУЗСКІЙ ЗАМОКЪ XIV—XV ВѢКОВЪ.
(Старинный рисунокъ, воспроизведенный въ «Allgemeine Kunstgeschichte» Куна).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Небольшой садъ подлѣ дома Оливера.

Входятъ Орландо и Адамъ.

Орландо. Сколько мнѣ помнится, Адамъ, дѣло это произошло такъ: по завѣщанію онъ отказалъ мнѣ всего какую-нибудь несчастную тысячу кронъ и, какъ ты говоришь, передъ смертью заклиналъ моего брата, своимъ благословіемъ, дать мнѣ хорошее воспитаніе. Тутъ-то и начались мои страданья. Брата моего Жака онъ посылаетъ въ школу, и молва разноситъ о его успѣхахъ золотые слухи. Меня же онъ воспитываетъ по мужицки дома, или, говоря точнѣе, держитъ дома и не даетъ никакого воспитанія. Дѣйствительно, можно ли называть воспитаніемъ для человѣка моего рода обстановку, которая ничѣмъ не разнится отъ обстановки бычачьяго стойла? Да онъ лучше воспитываетъ своихъ лошадей: не говоря уже о томъ, что имъ дается отличная пища, ихъ еще обучаютъ ѣздѣ, и для этого нанимаются конюхи, получающіе большое жалованье. А если я, его братъ, и приобретаю что-нибудь подъ его опекой, такъ развѣ расту; въ этомъ отношеніи,

скотина, гуляющая на его навозныхъ кучахъ, обязана ему столько же, сколько и я. Сверхъ этого ничтожества, которымъ онъ такъ щедро награждаетъ меня, ему, повидимому, хочется своимъ обращеніемъ со мною лишить меня тѣхъ немногихъ даровъ, которыми надѣлила меня природа: онъ заставляетъ меня ѣсть вмѣстѣ съ лакеями, не позволяетъ занять мѣсто брата и, на сколько это ему возможно, мало по малу разрушаетъ мое дворянское достоинство даваемымъ мнѣ воспитаніемъ. Это-то и огорчаетъ меня, Адамъ, и духъ моего отца, который, какъ мнѣ кажется, живетъ во мнѣ, начинаетъ возмущаться противъ этого рабства. Я не хочу больше сносить его, хотя пока мѣсть не знаю что придумать, чтобы выйти изъ этого положенія.

Входитъ Оливеръ.

Адамъ. Вотъ мой господинъ и вашъ братъ.

Орландо. Отойди въ сторону, Адамъ, и ты услышишь, какъ онъ напустится на меня.

Оливеръ. Ты здѣсь что дѣлаешь?

Орландо. Ничего. Я ничего не умѣю дѣлать; не научили.

Оливеръ. Такъ ты что-нибудь портишь здѣсь?

Орландо. Да, я помогаю вамъ портить праздностью то, что сотворилъ Богъ—вашего бѣднаго и недостойнаго брата.

Оливеръ. Работайте-ка получше—и чортъ съ вами!

Орландо. Неужели я долженъ пасти вашихъ свиней и ѣсть съ ними жолуди? Вѣдь я не расточилъ никакого наслѣдства блуднаго сына, чтобы быть обязаннымъ жить въ такой нищетѣ.

Оливеръ. Вы не знаете, вѣрно, гдѣ вы?

Орландо. О, очень хорошо знаю! здѣсь, въ вашемъ саду.

Оливеръ. Знаешь ли ты, передъ кѣмъ стоишь?

Орландо. Да, знаю лучше, чѣмъ тотъ, передъ которымъ я стою, знаетъ меня. Я знаю, что вы мой старшій братъ, и вамъ бы слѣдовало точно также знать меня, если бы вы не забыли благороднаго закона родства. Услужливый обычай народовъ даетъ вамъ предпочтеніе передо мною, потому что вы перворожденный; но этотъ же самый обычай не отымаетъ у меня моей крови, хотя бы даже двадцать братьевъ стояло между мной и вами. Во мнѣ столько же отцовскаго, сколько и въ васъ, хотя—сознаюсь въ этомъ—вы, какъ явившійся на свѣтъ раньше, можете скорѣе пріобрѣсть уваженіе, на которое нашъ отецъ имѣлъ право.

Оливеръ. И ты смѣешь, мальчишка...

Орландо (*бросаясь на него*). Потихе, потихе, старшій братецъ! вы еще слишкомъ молоды для этого.

Оливеръ. Такъ ты хочешь поднять на меня руку, негодяй.

Орландо. Я не негодяй. Я самый младшій сынъ Роланда де-Буа. Онъ былъ мой отецъ, и трижды негодяй тотъ, кто говорить, что такой отецъ произвелъ на свѣтъ негодяя. Не будь ты мой братъ, я не отвелъ бы этой руки отъ твоего горла прежде, чѣмъ другая рука не вырвала бы твой языкъ за такія слова. Ты надругался надъ самимъ собою.

Адамъ. Любезные господа, успокойтесь. Памятью вашего отца умоляю, не ссорьтесь.

Оливеръ. Пусти меня, говорятъ тебѣ.

Орландо. Нѣтъ, не пушу, пока самъ не захочу этого. Вы выслушаете меня. Мой отецъ, въ своемъ завѣщаніи, поручилъ вамъ дать мнѣ хорошее воспитаніе—а вы воспитали меня какъ мужика, вы скрывали, отдаляли отъ меня всѣ качества

дворянина. Но духъ моего отца все болѣе и болѣе крѣпнетъ во мнѣ, и я не хочу долше сносить это положеніе. Поэтому откройте мнѣ доступъ ко всѣмъ занятіямъ, приличнымъ дворянину, или отдайте мнѣ скудную часть, завѣщанную мнѣ отцомъ, съ нею я пойду искать счастья.

Оливеръ. Что же ты станешь дѣлать? Нищенствовать, когда истратишь эти деньги? Однако, довольно; ступайте отсюда—я не желаю, чтобы вы долѣе надоѣдали мнѣ. Вы получите часть того, что желаете. Прошу васъ оставить меня.

Орландо. Я не стану требовать отъ васъ больше того, что нужно для моей пользы.

Оливеръ (*Адаму*). Ступай съ нимъ, старый песь!

Адамъ. Старый песь! Такъ вотъ моя награда! Впрочемъ, вы правы! я потерялъ всѣ зубы на службѣ вамъ. Упокой Господи душу моего стараго господина! Онъ не сказалъ бы такого слова.

(*Адамъ и Орландо уходятъ*).

Оливеръ. А, такъ вотъ что! Ты хочешь перерости меня. Я вылечу тебя отъ этой болѣзни, а тысячи кронъ все-таки не дамъ. Эй, Деннисъ.

Входитъ Деннисъ.

Деннисъ. Вы изволили звать?

Оливеръ. Кажется, что Карль, борецъ герцога пріѣхалъ сюда, чтобы поговорить со мною?

Деннисъ. Точно такъ, съ вашего позволенія; онъ здѣсь у дверей и проситъ разрѣшенія войти.

Оливеръ. Зови его. (*Деннисъ уходитъ*). Это будетъ хорошее средство; а состязаніе въ борьбѣ назначено на завтра.

Входитъ Карль.

Карль. Доброга утра вашей милости!

Оливеръ. Добрый monsieur Карль, какія новѣйшія новости при новомъ дворѣ?

Карль. Никакихъ новостей при дворѣ, кромѣ старыхъ новостей: т. е. старый герцогъ изгнанъ своимъ младшимъ братомъ, новымъ герцогомъ; трое или четверо преданныхъ вельможъ отправились съ нимъ въ добровольное изгнаніе. Ихъ земли и доходы обогащаютъ новаго герцога, вслѣдствіе чего онъ и не препятствуетъ имъ странствовать.

Оливеръ. Не можете ли сказать мнѣ, изгнана ли Розалинда, дочь герцога, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ?

Карлъ. О, нѣтъ! Дочь новаго герцога, ея кузина, такъ любить ее—потому что онѣ воспитывались вмѣстѣ съ колыбели—что послѣдовала бы за нею въ изгнаніе, или умерла, если бы ихъ разлучили. Розалинда живетъ при дворѣ, и дядя любитъ ее не меньше, чѣмъ свою родную дочь; а онѣ обѣ любятъ одна другую такъ, какъ никогда не любили другъ друга двѣ женщины.

Оливеръ. Гдѣ поселится старый герцогъ?

Карлъ. Говорятъ, что онъ уже въ Арденскомъ лѣсу, вмѣстѣ съ нѣсколькими веселыми товарищами, и что самъ они живутъ, какъ Робинъ Гудъ англійскій. Говорятъ, что съ каждымъ днемъ къ нему прибываетъ много молодыхъ дворянъ и что они проводятъ время безмятежно, живя такъ, какъ жили когда то въ золотомъ вѣкѣ.

Оливеръ. Скажите, вы завтра будете бороться въ присутствіи новаго герцога?

Карлъ. Непремѣнно, я и пришелъ сообщить вамъ нѣчто. Мнѣ тайно дали знать, чтѣ вашъ младшій братъ, Орландо, намѣренъ завтра, переодѣтый, попытаться выйти противъ меня. Между тѣмъ, завтра я буду бороться для того, чтобы поддержать свою репутацію, и поэтому тотъ, кто уйдетъ изъ моихъ рукъ безъ нѣсколькихъ переломанныхъ членовъ, отдѣляется счастливо. Вашъ братъ очень молодъ и слабъ, и ради васъ мнѣ было бы крайне непріятно уложить его, а для спасенія своей чести я долженъ буду это сдѣлать, когда онъ придетъ. Вотъ оттого-то, изъ любви къ вамъ, я и пришелъ увѣдомить васъ о предстоящемъ, чтобы вы могли или отклонить его отъ этого намѣренія, или приготовить какъ слѣдуетъ перенести несчастье, которому онъ подвергаетъ себя; онъ самъ ищетъ его и это сдѣлается совершенно вопреки моему желанію.

Оливеръ. Карлъ, благодарю тебя за любовь ко мнѣ—и ты увидишь, что я отблагодарю тебя самымъ дружескимъ образомъ. Я самъ узналъ о намѣреніи моего брата и старался разными путями отклонить его отъ этого; но онъ непоколебимъ. Знаешь ли, Карлъ—это упрямѣйшій мальчикъ во Франціи, полный честолюбія и завистливый соперникъ всякаго человѣка съ достоинствами; онъ тайно и гнусно злоумышляетъ противъ меня, своего родного брата. Поэтому дѣйствуй по своему усмотрѣнію. Если ты свернешь ему шею, не больше буду огорченъ, чѣмъ если бы ты сломалъ ему палець. И я совѣтую тебѣ,

для твоей пользы, смотрѣть въ оба, потому что, если ты нанесешь ему только легкій вредъ или если онъ не одержитъ полной побѣды надъ тобою—онъ начнетъ дѣйствовать противъ тебя ядомъ, поймаетъ тебя въ какую-нибудь мошенническую ловушку и не выпуститъ до тѣхъ поръ, пока не лишитъ жизни какимъ нибудь косвеннымъ или другимъ способомъ. Да, увѣрю тебя—говорю это почти со слезами—нѣтъ въ настоящее время на свѣтѣ человѣка, который былъ бы такъ гнусенъ душою, не смотря на свои юные годы. А вѣдь я еще говорю о немъ, какъ братъ; но начни я разбирать его передъ тобой во всей подробности, мнѣ пришлось бы краснѣть и плакать, а тебѣ блѣднѣть и изумляться.

Карлъ. Я очень радъ, что пришелъ сюда къ вамъ. Если онъ появится завтра—я съ нимъ раздѣлаюсь какъ слѣдуетъ. Если послѣ этого онъ будетъ въ состояніи сдѣлать хоть одинъ шагъ безъ поддержки—я никогда больше не стану бороться на призъ. Затѣмъ, Богъ да сохранить вашу милость!

Оливеръ. Прощай, добрый Карлъ! (*Карлъ уходитъ*). Теперь я подстрекну этого молодчика и надѣюсь, что увижу его конецъ, потому что моя душа, самъ не знаю почему, ненавидитъ его больше всего на свѣтѣ. А между тѣмъ, онъ кротокъ, ученъ, хотя ничему не учился, полонъ благородства, любимъ всѣми сословіями до безумія и дѣйствительно такъ пришелся по сердцу всѣмъ, и особенно моимъ людямъ, которые знаютъ его лучше, чѣмъ кто бы то ни было, что черезъ это они меня ставятъ почти ни во что. Но это продлится не долго. Этотъ атлетъ уладить все дѣло. Теперь мнѣ остается только поджечь мальчишку, и я сейчасъ же примусь за это. (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Лужайка передъ домою герцога.

Входятъ Розалинда и Целія.

Целія. Розалинда, милая кузина, прошу тебя—будь весела.

Розалинда. Милая Целія, я и то кажусь веселою сверхъ силы, а ты хочешь, чтобы я была еще веселѣе? Если ты не можешь научить меня, какъ забыть изгнаннаго отца, то нельзя требовать, чтобы я могла предаваться особому веселью.

Целія. Изъ этого я вижу, что ты не такую полною любовью любишь меня какъ я люблю тебя. Еслибъ мой дядя, твой изгнанный отецъ, изгналъ твоего дядю, моего отца, но при этомъ ты осталась бы неразлучно со мною, я приучила бы мою любовь смотреть на твоего отца, какъ на моего. Точно такъ же поступила бы и ты, если бы твоя привязанность ко мнѣ была такъ же искренна и испытана, какъ моя къ тебѣ.

Розалинда. Хорошо, я забуду свое положеніе и стану радоваться твоему.

Целія. Ты знаешь, что у моего отца нѣтъ дѣтей. кромѣ меня, да, по всей вѣроятности и не будетъ; нѣтъ сомнѣнія, что послѣ его смерти ты будешь его наследницей, потому что все то, что онъ взялъ у твоего отца силою, я отдамъ тебѣ по любви. Клянусь честью, отдамъ—и пусть я обращусь въ чудовище, если нарушу эту клятву. Развеселись же, моя милая Роза, моя дорогая Роза!

Розалинда. Да, съ этой минуты, кузина, я буду весела, и стану выдумывать забавы. Какъ ты думаешь, напримѣръ, о томъ, чтобы влюбиться ради забавы?

Целія. Отлично! пожалуйста сдѣлай изъ любви забаву, но не влюбляйся ни въ кого серьезно, да и шутку доводи только до той степени, чтобы имѣть возможность выйти изъ нея съ честью, сохранивъ ненарушимымъ румянецъ невинности.

Розалинда. Чѣмъ же мы станемъ забавляться?

Целія. Сядемъ и насмѣшками сгонимъ почтенную матушку-фортуна съ ея колеса, для того, чтобы впередъ она раздавала свои дары поровну

Розалинда. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы мы могли сдѣлать это, потому что ея благодѣянія распредѣлены крайне неправильно; особенно ошибается добрая слѣпая женщина при раздачѣ своихъ даровъ женщинамъ.

Целія. Это правда: тѣ которыхъ она дѣлаетъ красивыми, рѣдко получаютъ отъ нея добродѣтель, а тѣ, которыхъ она дѣлаетъ добродѣтельными, выходятъ изъ ея рукъ очень некрасивыми.

Розалинда. Нѣтъ, говоря это, ты уже переходишь изъ области фортуны въ область природы: фортуна-владычица свѣтскихъ даровъ, но не очертаній, производимыхъ природою.

Входитъ Оселокъ.

Целія. Будто? Развѣ, когда природа производитъ красивое созданье, фортуна не

можетъ бросить его въ огонь?—Если природа дала намъ остроуміе для того, чтобы насмѣхаться надъ фортуною, то развѣ фортуна не прислала сюда этого шута, чтобы прекратить нашъ разговоръ?

Розалинда. Дѣйствительно, фортуна слишкомъ жестоко обращается съ природою, подрѣзывая натуральной глупостью натуральный умъ.

Целія. Можетъ быть, это сдѣлала не фортуна, а природа, которая замѣтивъ, что наши натуральные умы слишкомъ тупы для того, чтобы разсуждать о такихъ богиняхъ, послала сюда этого дурачка въ видѣ оселка для насъ, потому что всегда тупость дурака служитъ оселкомъ для умнаго. Ну, умный человѣкъ, куда направляешься ты?

Оселокъ. Сударыня, васъ требуетъ къ себѣ вашъ отецъ.

Целія. А тебя сдѣлали посланникомъ?

Оселокъ. Нѣтъ, клянусь честью, но мнѣ приказали сходить за вами.

Розалинда. Гдѣ ты выучился этой клятвѣ, шутъ?

Оселокъ. У одного рыцаря, который клялся своей честью, что пирожки были хороши и клялся своей честью, что горчица никуда не годилась. Я же утверждаю, что пирожки никуда не годились, а горчица была хороша. Тѣмъ не менѣе рыцарь не давалъ ложной клятвы.

Целія. Какъ докажешь ты это съ твоимъ большимъ запасомъ учености?

Розалинда. Да, да, сними-ка намордникъ съ твоей мудрости.

Оселокъ. Ну, выступите обѣ впередъ, погладьте свои подбородки и поклонитесь вашими бородами, что я плутъ.

Целія. Клянемся нашими бородами, если-бы онъ у насъ были, что ты плутъ.

Оселокъ. Клянусь моимъ плутовствомъ, если-бы оно у меня было, я былъ-бы плутъ. Но когда вы клянетесь тѣмъ, чего нѣтъ, то не даете ложной клятвы; точно также не клялся ложно рыцарь, когда клялся своею честью, ибо ея у него не было, или, если онъ и имѣлъ ее, то уничтожилъ клятвами задолго до того, какъ увидѣлъ эти пирожки и эту горчицу.

Целія. На кого ты это намекаешь, скажи пожалуйста?

Оселокъ. На человѣка, котораго любилъ старый Фридрихъ, вашъ отецъ.

Целія. Любовь моего отца достаточна для того, чтобы этого человѣка уважали. Довольно; не говори больше о немъ. На этихъ дняхъ тебя высѣкутъ за злословіе.

Оселокъ. Тѣмъ хуже, что дураки не имѣютъ права говорить умно о глупостяхъ, которыя дѣлаютъ умные люди.

Целія. Честное слово, ты говоришь правду: съ тѣхъ поръ какъ ту капельку ума, которую имѣютъ дураки, заставили молчать, та капелька глупости, которую имѣютъ умные люди, торжественно выставляетъ себя на показъ. Сюда идетъ Ле-Бо.

Входитъ Ле-Бо.

Розалинда. Съ полнымъ ртомъ новостей.

Целія. Которыми онъ обсыпетъ насъ, какъ голуби, когда они кормятъ своихъ птенцовъ.

Розалинда. Значитъ, мы будемъ напичканы новостями.

Целія. Тѣмъ лучше—мы отъ этого только выиграемъ. Bonjour, monsieur Ле-Бо! Что новаго?

Ле-бо. Прекрасная принцесса, вы упустили одно отличное увеселеніе.

Целія. Увеселеніе? Какого цвѣта?

Ле-Бо. Какого цвѣта? Какъ прикажете мнѣ отвѣчать на это?

Розалинда. Какъ подскажутъ вамъ умъ и случай.

Оселокъ. Или какъ велить рокъ.

Целія. Хорошо сказано: фраза точно изъ камня высѣчена.

Оселокъ. О, если мое остроуміе когда-нибудь истощится...

Розалинда. Тогда ты потеряешь свой прежній запахъ.

Ле-Бо. Вы смущаете меня, сударыни. Мнѣ хотѣлось рассказать вамъ о хорошей борьбѣ, которую вамъ не удалось видѣть.

Розалинда. Ну, что-жъ—расскажите, какъ происходила эта борьба?

Ле-Бо. Я расскажу вамъ начало, и если вашими свѣтлостямъ будетъ угодно, вы можете увидѣть конецъ, потому что самое-то лучшее еще осталось сдѣлать, и дѣлать его придутъ сюда, на это самое мѣсто, гдѣ вы находитесь.

Целія. Хорошо, послушаемъ это начало, которое уже умерло и похоронено.

Ле-Бо. Вотъ идетъ старикъ съ тремя своими сыновьями...

Целія. Я могла бы придѣлать это начало къ какой-нибудь старой сказкѣ.

Ле-Бо. Три прекрасными молодыми людьми, отличнаго роста и красоты...

Розалинда. Съ такими записочками на шеѣ: „Да, будетъ изъ сихъ записокъ вѣдомо всѣмъ и каждому...“

Ле-Бо. Старшій изъ троихъ боролся съ

Карломъ, борцомъ герцога, и этотъ Карлъ опрокинулъ его въ одно мгновеніе и сломалъ ему три ребра, такъ что нѣтъ почти надежды спасти его; точно такъ же онъ поступилъ со вторымъ, и точно также съ третьимъ. Тамъ лежатъ они; бѣдный старикъ, ихъ отецъ, такъ горестно стонетъ надъ ними, что всѣ зрители сочувствуютъ ему слезами.

Розалинда. Ахъ, Боже мой!

Оселокъ. Какое же это, сударь, увеселеніе, упущенное принцессами?

Ле-Бо. Какъ какое? Да то, о которомъ я рассказываю.

Оселокъ. Видно, люди съ каждымъ днемъ становятся умнѣе! Въ первый разъ въ жизни я слышу, что переламываніе реберъ составляетъ увеселеніе для женщинъ.

Целія. Я тоже—увѣрю тебя.

Розалинда. Но развѣ остался еще кто-нибудь, желающій слышать въ своихъ ребрахъ эту музыку переламыванія? Есть еще охотники до разбитыхъ реберъ? Такъ намъ придется присутствовать при этой борьбѣ, кузень?

Ле-Бо. Придется, если вы останетесь здѣсь, потому что именно это мѣсто назначено для борьбы, и она сейчасъ начнется.

Целія. Да, дѣйствительно, они идутъ. Что-жъ, останемся и посмотримъ.

Трубы. Входятъ герцогъ Фридрихъ, вельможи, Орландо. Карлъ и свита.

Фридрихъ. Начинайте. Такъ какъ этотъ юноша не слушаетъ никакихъ увѣщаній, пусть рискуетъ на свой собственный страхъ.

Розалинда. Это онъ?

Ле-Бо. Точно такъ.

Целія. Увы, онъ слишкомъ молодъ; но въ лицѣ его побѣдоносное выраженіе.

Фридрихъ. И вы здѣсь, дочь и племянница? Вы прокрались сюда, чтобъ посмотреть на борьбу?

Розалинда. Точно такъ, государь, если вы намъ позволите.

Фридрихъ. Могу вамъ сказать, что это зрѣлище доставитъ вамъ мало удовольствія: силы этихъ людей неравны. Изъ состраданія къ молодости человѣка, вызвавшаго на бой, я хотѣлъ отговорить его, но онъ ничего не слушаетъ. Поговорите-ка вы съ нимъ; попытайтесь, не уговорите ли вы его?

Целія. Добрый Ле-Бо, позовите его сюда.

Фридрихъ. Да, позовите; я отойду въ сторону.

Ле-Бо. Господинъ состязатель, принцессы зовутъ васъ.